

Легендарного еще при жизни московского коллекционера Феликса Евгеньевича Вишневого я знал хорошо. Часто бывал у него в том самом старинном особняке в Щетининском переулке, в котором ныне расположен Музей В. А. Тропинина. Чай распивали, подолгу беседовали. Точнее, он рассказывал, а я слушал. Хотя слушать его было непросто. Он не очень-то заботился о том, понимает ли собеседник его или нет, говорил на равных. Ну какое уж здесь равенство меж мною и знаменитым «Феликсом», человеком, столь много знающим в искусстве, столь опытным в делах изящного, притом в таких подробностях, которые с ходу мог осознать только сугубый специалист. Его общепризнанный талант искусствоведа и собирателя был почти универсален.

И какой отличной памятью он обладал! Ведь ничего не записывал. К сожалению, не записывал. Отличная книга получилась бы — детективная документальная повесть о тайнах и загадках, гипотезах и открытиях, с чем встречался он в своих поисках, с чем связаны были порой находки, сделанные им, как он хитро добавлял, «по случаю». «Случай» Вишневого — лишь ему присущая интуиция, какое-то «шестое» чувство, тонкое чутье на

прекрасное, в каком бы первоначальном облике оно ни представало перед ним. Чаще всего в виде истрепанного, грязного, изуродованного холста, годного, казалось, разве для вытирания обуви в передней. Но если Вишневский говорил: «беру» или «покупаю», то можно было быть совершенно уверенным в том, что после реставрации, исследования, литературного или архивного «копания» в нашу жизнь возвратится истинное произведение отечественного искусства.

Ну хотя бы широко известный «Автопортрет» Василия Андреевича Тропинина, который теперь открывается экспозиция его музея. Написан он

Собиратель вечного

в 1844 году. Всегда находился в его доме на Ленивке, близ Каменного моста. Художнику нравился «Автопортрет», поэтому он сделал несколько его повторений. После его смерти картина перешла к сыну, а затем пошла «по рукам» — и затерялась. Однажды в какой-то старомосковской семье Вишневскому предложили взглянуть на грязный и попорченный старый холст, свернутый в трубку и заброшенный за ненадобностью за шкаф. Феликс Евгеньевич развернул ветхий холст и, к нескрываемому удивлению его владельцев, сказал: «Беру». Когда картину очистили, сняли позднейшие поновления, отреставрировали, сдублировали — проявилась надпись: «Тропинин. 1844».

Когда я увидел «Автопортрет», то заметил Вишнево-му:

— Вероятно, повторение того, что находится в Третьяковской галерее...

Феликс Евгеньевич возмутился:

— Нет! У меня оригинал, а в Третьяковке повторение, сделанное двумя годами позже...

Или — «Портрет С. К. Суханова», одно из значительных

произведений Тропинина, без которого ныне невозможен рассказ о творчестве художника. А ведь отыскал его Вишневский в ужасном виде — настолько грязным, засаленным и убогим, что с трудом просматривалось изображение какого-то человека. Ни один, даже сведущий коллекционер не обратил бы на него никакого внимания. Вишневский же купил. После кропотливой реставрации открылось на живописи ранее совершенно невидимое — у кирпичного здания стоял старик с каменотесным молотком в руке, явной принадлежностью своей профессии. Обнаружили подписи: «Тропинин» и год — «1823». Но кого изобразил художник? С помощью искусствоведа Тамары Владимировны Буевской на основе литературных данных предельно точно «вычислили» — Самсона Ксенофонтовича Суханова, знаменитого мастера и хорошего знакомого Василия Андреевича.

Таких открытий у Вишневого достаточно. Многие картины, им отысканные, экспонируются в Музее В. А. Тропинина. Это — «Девушка с горшком роз», кстати, как выяснил

Феликс Евгеньевич, картина приобретена царем для петербургского Музея Александра III, «Портрет В. С. Энева», один из вариантов «Кружевницы», «Старик-ямщик», «Портрет Е. А. Корзинкиной», «Портрет неизвестного с усами», «Портрет Е. В. Мазуриной». ...Отысканный им портрет молодой женщины оказался изображением Е. К. Воронцовой, которой Пушкин посвятил «Талисман», а исполнил его выдающийся русский акварелист П. Ф. Соколов. Купленный в 1946 году в магазине «Портрет В. А. Томиловой» оказался написанным Боровиковским, а не Кипренским, как поначалу полагали. Интересная деталь — до 1941 года он украшал один из залов германского посольства в Москве. Возвращением к сегодняшней жизни обязаны «случаю» Вишневого произведения Антропова, Боровиковского, Вишнякова, Кипренского, Левицкого, Рокотова, С. Щедрина, Боголюбова, Захарова, Левитана, а также Гварди, Гюбера Робера, Греза и других русских и зарубежных художников. От верной гибели спасен великолепный французский шкаф XVI века, который те-

перь экспонируется в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Работы из собрания Вишневого находятся в московском Музее А. С. Пушкина на Пречистенке. Уникальная коллекция вееров передана им в музей Останкино.

Более пятидесяти лет Феликс Евгеньевич отдал собиранию. Еще в 1920 году получил от отца, также известного ценителя искусства, первую работу своей будущей коллекции — «Портрет С. М. Голицына» Тропинина, художника, которого особенно он любил, и эта его привязанность завершилась созданным им музеем замечательного русского живописца. Его собирательство — не занимательное времяпрепровождение, не игра изощренного ума и тем более не доходный бизнес, в чем порой хотели его обвинить. Он мог, например, долго торговаться с каким-либо музеем из-за весьма не дешево доставшейся ему картины, а потом махнуть рукой: «Ладно, берите бесплатно!». И эта широта натуры от того, помоему, что собирательство было для Вишневого смыслом, сутью жизни. Вероятно, он хо-

рошо понимал, что разыскивает и возвращает отечественному искусству нечто вечное, что переживет века, что неподвластно никаким денежным измерениям, никакой торгашеской суетне.

Конечно, Феликс Евгеньевич не был «ангелом с крылышками». В делах купли-продажи художественных вещей был предприимчивым, ловким и далеко не бесхитростным, что порою заводило его за жесткие по тем временам рамки дозволенного. Вспоминаю, как наша газета, в числе других его доброжелателей и поклонников, вступилась за старого коллекционера, когда ему пытались «пришить дело», и отстояла его. Ведь не для себя он старался — сам Вишневский в быту был поразительно скромным, даже аскетичным. Несколько лет носил одну и ту же старую солдатскую рубашку. Деньги, полученные от продажи музеем картин, он тратил на поиски и покупку других картин, которые в свою очередь тоже попадали в музей.

И не прятал, в отличие от «типичных» коллег, своих сокровищ — с удовольствием их показывал. Его дом был открыт для истинных ценителей прекрасного, которых принимал с присущим ему московским хлебосольством.

Огромной популярностью

пользовались передвижные выставки «Из собрания Ф. Е. Вишневого». Они побывали в Якутске, Иркутске, Перми, Донецке, Кургане, Вологде, Рязани и десятках других городов. В более чем двадцати музеях страны его дары — картины, рисунки, акварели, различные художественные предметы. Но наиглавнейшее, «коронное» его деяние, чем он и вошел в историю отечественного искусства, — Музей В. А. Тропинина, им созданный в своем же доме и открытый в 1971 году. Его хранителем Феликс Евгеньевич оставался до внезапной кончины в декабре 1978 года. Картины Тропинина и художников его времени, скульптуры, рисунки, акварели, старинная мебель, фарфор и хрусталь, серебро и бронза, всего около 400 произведений — дар Вишневого. А всего передано государству — 700! Вдумайтесь в эту ошеломляющую цифру, совершенно немыслимую в наше коммерческое и «рыночное» время. Лишь крохотная часть преподношений демонстрируется ныне на юбилейной выставке, открытой, естественно, в Музее В. А. Тропинина и посвященной 90-летию со дня рождения удивительного коллекционера и человека.

Евграф КОНЧИН.

Фото С. Склезнева.